

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ О СЕМЬЕ И ЕЕ ПРОБЛЕМАХ

Статья посвящена рассмотрению анималистического нарратива "The Last Family in England", его композиции, лексической организации, влиянию животных нарраторов/фокализаторов на формирование основного концепта произведения.

Ключевые слова: анималистический нарратив, проблемы семьи, пакт лабрадора.

Игіна О.В. Анімалістичний нарратив про сім'ю та її проблеми. *Стаття присвячена розгляду анімалістичного нарративу "The Last Family in England", його композиції, лексичній організації, впливу тварин – фокалізаторів/нараторів на формування концепту твору.*

Ключові слова: анімалістичний нарратив, проблеми сім'ї, пакт лабрадора.

Igina E.V. Animalistic narrative about the Family and its problems. *The article is devoted to the analysis of "The Last Family in England", an animalistic narrative, its composition, lexical structure, the influence of the animal – focalizer/ narrator on the formation of the text concept.*

The research has been conducted on the basis of the novel "The Last Family in England" by Matt Haig. The focalizer and the narrator of the novel is the Labrador named Prince. The life of the Hunter family is rendered through his eyes. The narrative which is produced by the creature unable to speak, is accepted by the reader "by default" as a stylistic device. The composition of the novel is unusual: the death announced at the very beginning of the novel is explained in the last chapter forming the frame structure. The whole narrative is represented as flashback. As always in animalistic narrative the problems which are revealed in the novel deal with people, their egotism, loneliness, anxiety.

Key words: animalistic narrative, the problems of the family, Labrador pact.

Если провести исследование, какое животное пользуется наибольшей популярностью в анималистическом дискурсе, на первое место выйдут, повидимому, собаки. Лабрадоры, шпицы, болонки, ротвейлеры – все выступают наблюдателями и нарраторами жизни своих хозяев, которая представлена в самых интимных подробностях. У собаки очень выгодная позиция: она присутствует, не стесняя находящихся рядом людей и слыша все, что вокруг говорится.

При этой общности возможностей нарраторов/фокализаторов каждый из них сугубо индивидуален, у него/нее есть своя основная задача и решается эта задача индивидуальными средствами, создающими уникальность произведения. Главное же – это социальная проблематика анималистических нарративов, о которых идет речь, их обращенность к наиболее острым проблемам разных слоев (не только английского) беспокойного общества.

Примером сказанного может служить роман Мэтта Хейга "Последнее семейство Англии" (*Matt Haig. The Last Family in England, 2004 [6]*). Здесь все привлекает внимание: прежде всего – проблема, которой посвящена книга – семья. Действительно, что происходит с институтом Семьи в мире? Почему распадается больше семей, чем создается вновь? Вопросы,

которые безуспешно обсуждают психологи, педагоги, сексопатологи, психиатры, конечно, не решить преданному “своей” семье лабрадору Принцу. Но они мучают его настолько, что он преступает “Пакт лабрадоров” во имя спасения дорогих ему людей.

Роман нетрадиционно выстроен из озаглавленных небольших глав с перемежающимися нарраторами и с двумя акцентами в начале: с пояснением того, что означает “Пакт лабрадоров” (гимн семье, которую должен защищать служащий ей лабрадор – и приводится полностью в главе, данной курсивом), а также с загадочным признанием Принца *“I broke up the Pact and must die”*(3). Загадка разрешается только в последней главе, что помещает всю историю в раму начального/ конечного абзацев и объясняет ее “вспоминательный” характер: смерть, заявленная с самого начала, реализуется и объясняется в последних абзацах. Между ними, как один большой “взгляд назад” (*flashback*) и помещена история обычной английской семьи Хантеров – папа Адам, мама Кэти, пятнадцатилетний сын Хэл и тринадцатилетняя Шарлотта. Внешне все прекрасно: ухоженный домик, Адам – учитель в местной школе, Кэти, сохранившая молодую привлекательность, работает в конторе и полностью ведет дом, ну, и, конечно, преданный им Принц. Но изнутри, с точки зрения Принца, перед которым никто не стесняется показать свое истинное “я”, все не так: в темном парке на вечерней прогулке с Принцем, в Адама летит бутылка и ругательства от мальчишек его класса; Кэти, постоянно уставшая, взяла недельный отпуск с работы, и навещает умирающего отца в больнице, приходит домой поздно вечером, совсем измученная: *She smelled hospital smells. Grandpa Bill. She must have been holding his hand, I noted, as I sniffed her own. And she must have been holding it for a long time because it was stronger than the night before <...> Kate looked down as I sniffed and she smiled her soft smile. The smile she saved for me. ‘Hello, Prince’* (15).

Хэл тоже не в порядке: *I was worried about Hal, but it was not a new thing. I had been worried for quite some time. About the way he never seemed to be himself, in front of everyone. About the way he was loud and confident within the Family, but remained petrified of the world outside. About the way he would talk to the mirror as if it was the girl of the dreams, Laura Shepherd ...* (23).

О сестре, которая моложе его на два года, в ответ на замечание отца *‘What has happened to you face, Lottie? You look like Death’ ‘It’s make-up! Don’t worry, Dad’ Hal said with mock-reassurance. ‘She’s thirteen. She’s lost and confused. She needs to experiment with different identities’* (14).

А тут еще появляются новые соседи, и сосед Саймон, оказывается, в школе был влюблен в Кэти и не прочь продолжить роман через почти два десятка лет, да и Адам стал засиживаться на парковой скамейке с новой соседкой, выгуливающей своего песика. Правда, как определил Принц, *‘a woman with a sad face and even sadder scent. She smelt too unhappy to be part of my Family’* (43).

У Принца есть Учитель – Генри, лабрадор, принадлежащий отставному полисмену Мику. Они гуляют в этом же парке, и Генри наставляет более молодого Принца, как важна роль лабрадора в семье. Чтобы это понял и

читатель, начиная со стр.8, через каждые 10–20 страниц, выделяющимся курсивным шрифтом даются главы и добавления к “Пакту лабрадоров”: *The Labrador Pact: Duty Over All*(8), из которого читатель (и сам юный лабрадор) узнает, что лабрадоры как крупные, добродушные, семейные собаки, наблюдая за увяданием института Семьи, заключили Пакт, по которому каждый лабрадор обязан сделать все возможное в его силах, чтобы сохранить Семью, в которой он живет и которой служит (см. 8, 20, 39, 62, 70, 107, 124 etc).

Здесь на первый план выдвигаются перцептивные способности собаки. В связи с первостепенным значением обоняния, глаголы/ существительные *sniff/ smell* и их производные наиболее частотны в тексте. При этом собака “унюхивает” человеческие эмоции. Напр.: многоопытный Генри поучает Принца: *Henry maintained that not only could you smell trouble, but also that you could smell it in advance. ‘Prediction equals protection, it’s as simple as that’ <...> There are clues all around us as to how everything will end. Smell, that is the secret* (64-65).

Человеческое обоняние беспомощно там, где хорошо ориентируется собака:

anger-smells floated across the air (45), both [men] smelling equally worked up (45), her sad-smells weren’t lifting (46), he smelt nervous (106), Henry sniffed me, as he always did, to smell my progress (48), they were exhausted but smelling quietly content (59), I could smell his love (105), Grandma Margaret arrived with her thousand smells (83), she sniffed a quick farewell (265).

Иногда, с этими лексемами даже переосмысляются устойчивые и фразеологические сочетания: *These are thoughts I’m having now, sniffing(=looking) back ... (37)*.*

Обоняние, учит Пакт, следует использовать только в интересах семьи, но не в собственных интересах “надышаться до опьянения”: таких собак, которые засовывают нос в кучу старой листвы, откуда никакой информации не извлечешь, но “получишь кайф”, называют *sniffaholics*(41).

Помимо тонкого и “верно используемого” обоняния Принц отличается недюжинным интеллектом: он постоянно анализирует поступки окружающих и строит свое поведение исходя из созданных схем: *I had to be careful. It was a Sunday. Sundays were always danger-days, even at the best of times. The Family spent too long together, and spoke too much. But this Sunday was worse, the atmosphere heavier <...> Trouble was coming, and I was the only one who could stop it* (31-32).

Однако, показывать свою подготовленность к осложнениям не следует, ибо неизвестно что у кого на уме: *I looked up at the sound of my name, feigning stupidity* (31). *The rest of the day I spent in mental preparation* (103).

* К этой же группе индивидуальных неологизмов-нарушенных фразеологизмов следует отнести и ряд других, как, напр.: *On the other paw (=hand)...(95) If the situation gets out of paw (=hand)... (101) Duty schmooty, come on, mad wag* (97) “говорит” хитрый Фальстаф, песик Эмили. А Лир, грозный ротвейлер сообщает собратьям: *I tell you, life is fucking tough. It’s dog eat dog out there. You are either the prey or the predator* (67), заменяя привычное для человека ‘man’ на более подходящее для собаки ‘dog’.

Он свободно обращается с единицами времени, знает о прошлом и будущем, о возможности повторения эпизода в другое время. Напр.:

It was only later when I realized how much had to be done to protect my masters from outside danger. And from themselves (50).

... the small things and the big things started to come together – even though I didn't realise it at the time (63).

As I play the scene back in my head, I see it as it really was (81).

It's funny, looking back now, but I never ... (101).

В выражении всех чувств и эмоций ему помогает хвост:

Henry taught me when to use the eleven main types of wag <...> Wagging the tails of fundamental importance in the preservation of Family well-being (49).

My tail tried to peace-broker the situation (58).

I wagged my response and tried to look sentimental (60).

I tried to get Adam to be reasonable. I wagged my tail, I panted heavily, I made soft eyes (89), но, увы, ничего не помогло – человек был слишком занят своими внутренними переживаниями и не увидел, не почувствовал поддержки Принца.

То же случилось и с Кэти: *I had followed Kate around, trying to cheer her up, or at least offer support. But no matter how hard I wagged, the sad-smells weren't lifting (46).*

Принц – настоящий лабрадор, следующий Пакту и оберегающий семью: *I cared for them, that was the thing (36).* Хотя кошка Хантеров скептически относится к его чувствам: *'Well, if you get too close to humans you will only end up hurt', Lapsang [the cat] said. 'I'm not like you, dogs. I am mobile. I can go where I want' (17).*

А неожиданно объявившая себя вегетарианкой Шарлотта заявляет: *we humanise dogs more than other animals (26).* Тем не менее, именно Принц чувствует “нарушение структуры” и скорый развал семьи, хотя и не понимает причины неминуемого коллапса и винит себя в плохом следовании Пакту: *I didn't understand these connections, I sensed them <...> but so far, I was a failure (251). I knew the real root cause. It was me. Humans cannot help themselves (253).*

Учув опасность Саймона, который готов на инсценировку несчастного случая с Адамом, добиваясь Кэти, Принц перегрызает страховочные веревки и становится причиной смерти Саймона. По Пакту – это преступление. Да и по законам человеческим за смерть человека собака отдает свою жизнь, правда, это называется не “казнь”, а “усыпление”.

Спас он свою Семью своей жизнью? Вряд ли. Не потому, что Адам и Кэти останутся вместе, а потому, что будущее семьи, зависящее от нынешних тинэйджеров, в опасности: *I worried for Hal, I really did. He was too fragile, still too much of a pup. 'What are you looking at?' he asked me, mock-tough. I told him, in my own way, that I was looking at his future and that he could take control of it, that he could make everything all right. As always, he refused to listen (126).*

И хозяин его наставника Генри тоже полагает, что семья в Англии погибает, и виной этому – молодое поколение: *He said England was going to the dogs and the teenagers were to blame <...> He told me that England*

used to be a great country and that it used to rule the world but that the young people made him ashamed to be English (330).

Значит, Семья погибает не из-за одного взрослого Саймона, не из-за одной взрослой Эмили, а из-за подрастающего поколения, которое сидит в темноте на стене парка, пьет пиво, ругается и бросает пустые бутылки. Это про Англию? Или шире – про другие страны, где Семья тоже в опасности? Наивный и верный лабрадор, свято следующий Пакту, отдает свою жизнь. До него, трагическим образом ушли из жизни и Генри, и его хозяин, и его хозяйка – тоже уверенные, что каждый из их случаев – индивидуально случившееся несчастье. Но это оказывается развивающейся тенденцией Потери Семьи. Психолог А.И.Гинзбург отмечает: “Все страны Европы, даже ее истово католический юг, подчиняются направлениям современности. Понимание “свободы личности” гипертрофировано и становится опасным, т.к. оно становится ничем не ограниченной догмой – лимитов “свободы личности” нет – ни государственных, ни религиозных, ни морально-этических” [1, 28]. И вступая в эту абсолютную свободу, еще не созревший человек начинает с пути наименьшего сопротивления: “все права, никаких обязательств”. Подростковый возраст заканчивается, а нежелание надеть на себя узы ответственности (семейной, профессиональной) остается. Вот здесь, по мнению повесившегося Мика, и находится причина гибели Семьи. И не только.

Написанная легко и просто, с цитатами из Пакта, которые выглядят комичными и старомодными на фоне происходящего, разделенная на крошечные главы, “Последняя семья”, представленная с точки зрения озабоченного Принца, не очень понимающего, что же, в конце концов, происходит в его любимой охраняемой семье, сначала воспринимается с долей комизма. Один из блербов издания так и называет книгу *A comic tour de force*. Правда, есть и другие голоса – *at times disturbing [ibid]*. Обозреватель *London Book Review* Ш. Муни отмечает глубину проблемы, обсуждаемой автором, и тот особый тон повествования, который задан нарратором/ фокализатором Принцем [5].

“Кольцевая” композиция романа, при которой началом произведения является, по сути дела, его конец, непонятный из-за отсутствия необходимого контекста, как раз и составляющего содержание книги, становится все более популярной в современной литературе [4].

Можно сказать, что и попытки выделить язык животного тоже множатся: в “Голубиной войне” голуби воркуют понятными для человека звуками [2], в серии Барни и Чет особым образом используется игра слов [3], в “Последнем семействе Англии” проблема коммуникации с животным посвящена целая глава, которая так и называется *Talk*, где философски настроенный Принц сокрушается, что человек не обращает внимания на сигналы, постоянно посылаемые ему верным другом-собакой:

Dogs like to talk.

We are talking all the time, non-stop. To each other, to humans, to ourselves. Talk, talk, talk. Of course, we do not talk like humans. We do not open our mouths and say things the way humans do. We cannot. We

see the harm this causes. We know words, we understand everything, we have language, but our language is one which is continuous, one which does not stop when we decide to close our jaws. During every sniff, every bark, every crotch nuzzle, every spray of a lamppost, we are speaking our minds.

So if you want the truth, ask the dog.

Not that humans always hear us. Not that they always think we would have anything worthwhile to say. They command, we listen. Sit. Stay. Walkies. Here. Fetch. That is all the conversation we are allowed. All that most humans can cope with (1).

Как всегда в анималистическом нарративе, проблемы, рассматриваемые в романе, относятся к людям: эгоизм или занятость, растерянность или усталость не позволяют им увидеть и понять психологический и/или эмоциональный дискомфорт самых близких людей – членов своей Семьи, что неминуемо ведет к ее разрушению.

Список литературы

1. Гинзбург А.И. Уроки психологии / А.И.Гинзбург. – Тюмень: ПРС, 2002. – 160 с.
2. Игина Е.В. Повествование неискушенного нарратора / Е.В.Игина // Тези доповідей XII наукової конференції “Каразінські читання: Людина.Мова.Комунікація” з міжнародною участю. – Харків: ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2013. – С.118–119.
3. Игина Е.В. Развитие англоязычного анималистического нарратива / Е.В.Игина// Мова. Культура. Комунікація: Образ майбутнього у картинах світу та знакових системах: Матеріали IV-ї Міжнародної наукової конференції (25 квітня 2013р.).– Чернігів: Чернігівський національний педагогічний університет, 2013. – С. 69–71.
4. Климова М. Эрик-Эмманюэль Шмитт / М.Климова // Топос. За границей. – 2005. – №20. – С.13–15.
5. Moony Sh. The Last Family in England / Sh.Moony // Book Review– 2011.– May 25.– P.13–35.
6. Haig M. The Last Family in England. – L.:Vintage, 2005. – 341 p.

References

1. Ginsburg, A. (2002). Uroki psihologii (p.160). Tjumen': PRS.
2. Igina, E. (2013). Povestvovanie neiskushennogo narrator (pp.118-119). Harkiv: HNU im. Karazina.
3. Igina, E. (2013). Razvitie angloyazichnogo animalisticheskogo narrative (pp.69-71). Chernigiv: Chernigivskij nacionalnij pedagogichnij universitet.
4. Klimova, M. (2005). Erik-Emmanuel' Shmitt (Topos. Za granicej. ed., Vol.20, pp.13-15).
5. Moony, S. (2011). The Last Family in England (pp.13-35). Book Review.
6. Haig, M. (2005). The Last Family in England (p.341). London: Vintage.

Стаття надійшла до редакції 27.08.2015 р.